

АНТОН
ЧИЖ

ИЗ ТЬМЫ

МОСКВА

МАСТЕР ДЕТЕКТИВА

АНТОН ЧИЖ

АНТОН
ЧИЖ

ИЗ ТЬМЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Редактор серии А. Осминина
Дизайн обложки А. Дурасова

Чиж, Антон.

Ч-59 Из тьмы : роман / Антон Чиж. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-226308-8

Февраль 1901 года. На окраине Петербурга находят тела двоих рабочих со странными колотыми ранами. Великий криминалист Аполлон Лебедев и его надежный напарник Родион Ванзаров берутся за расследование этого загадочного дела. Свидетели утверждают, что рядом с трупами видели бестелесного и безликого призрака. Но сыщики не верят в сверхъестественное. Поэтому первую зацепку находят довольно быстро: убийца был облачен в черный плащ и шляпу-треуголку. Верным напарникам предстоит выяснить, кто же устроил этот кровавый маскарад.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226308-8

© Чиж А., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

• 1 •

Февраль 1901-го грозил тревогами. Множество знамений открылось в тот год. На папертях юродивые стращали народ последними днями. Падая в конвульсиях с кровавой пеной на губах, они грозили неизбежной карой за грехи, чаша которых уже переполнена. Рыдали дети на руках матерей, а сами матери, напуганные неотвратимым, истово крестились и просили в молитвах отвести беду. Волнение паствы было столь велико, что священники не могли ее успокоить.

В обществе шептались, что император и императрица съездили в Гатчинский дворец, чтобы вскрыть по прошествии ста лет некое тайное послание, оставленное в запечатанном ларце еще во времена императора Павла I. И что, якобы прочитав пророчество, император уехал в мрачном расположении духа, а императрица не смогла сдержать слез. Что было начертано в том письме, осталось доподлинно не известно, но ничего хорошего династии грядущее не сулило.

В стране глухо, как в закипающем котле, зажатом ржавыми винтами, поднимались страшные силы, способные сорвать не только крышку, но и разорвать сам котел. То там, то здесь горели помещичьи усадьбы, бастовали рабочие заводов, фабрик и рудников. Студенты выходили

на демонстрации, которые разгонялись с примерной жестокостью. Идеальный студент Карпович выстрелил и смертельно ранил добрейшего министра народного просвещения Боголепова. Со стороны против России назревал опасный союз Англии, Северо-Американских Штатов и Японии, озабоченной проникновением в Маньчжурию.

А в небе, словно указуя на неотвратимые беды, явилось знамение, куда страшней и зримее прочих. Луна из серебряной вдруг окрасилась в багряно-красный, как будто умылась кровью. И хоть астрономы из сил выбились, объясняя в популярных заметках, что ничего, кроме оптического обмана и преломления света, в этом нет и быть не может, публика, и читающая, и безграмотная, была едино напугана столь явным пророчеством возможных потрясений.

Настал Великий пост. Мясные лавки закрылись до Пасхи, императорские театры не давали представлений, так что публика, жаждавшая зрелищ, находила отдушину во французской опере и частных театрах. По обычаю февраля погода угощала столицу империи прокисшей зимой. Лужи грязного снега, сырой ветер и распутица окончательно поглотили мостовые и немощеные улицы города.

В Нарвской части столицы грязь была обильнее, чем на Невском проспекте. Здесь, вокруг Обводного канала, плотно встали фабрики, рабочий люд которых проживал неподалеку в заводских и доходных домах. Окраину убирали из рук вон плохо, а городские, обязанные следить за всяческим порядком на улицах, ленились гонять дворников. Занятие это было бесполезным: сколько ни ругайся, грязи меньше не станет, а начальство сюда все равно не заглядывает. В попытке найти компромисс между лужами и служебным долгом дворники довели местность до неприличного вида.

Местные жители к такому порядку, а вернее — беспорядку давно привыкли. После трудовой смены обращать внимание, а тем более писать жалобы мало кому пришлось бы на ум. Обитатели Обводного отдавали фабрикам по десять часов в день, а по дороге домой — еще парочку трактирам, потому, когда добирались до своего угла, им хватало сил лишь на то, чтобы упасть бездыханным телом в чем были: в сапогах и налипшей грязи.

К восьми вечера улицы Обводного пустели. Кто не прилег в канаве или у входа в трактир, спали в своих каморках глухим сном до заводского гудка, поднимавшего рабочий люд в пять утра. Да и гулять с темнотой по Обводному не всяк бы решился. Получить финкой в живот или обухом по затылку было так же просто, как упасть в канал. Убить или ограбить могли без всякого повода, а уж в день, когда выдавалось жалование, тем более. Грабили не залетные, а все больше свои: те, кто днем трудился у станка, а вечером затыкал за голенище нож, выточенный на заводе, или молоток за пояс, прихваченный в мастерской. Разбой считался, в общем, такой же обычной и неизбежной частью жизни, как и грязь на улицах. Грабителем мог стать каждый, кому не хватало до полочки или подружке на гостинец. Местных жителей кровавая луна пугала мало, да и некогда им было разглядывать небеса.

Около девяти, когда тучи разошлись и на улицах не осталось ни единой живой души, на набережной Обводного появилась мешковатая фигура, двигавшаяся нетвердой походкой. Не было в ней ничего примечательного. Фуражка-московка¹ сидела набекрень, потертая тужурка распахнута, как от жара, а ноги в заляпанных сапогах вы-

---

¹ Моско в ка — полотняная фуражка с козырьком.

дельвали круговые фортеля. Незнакомец двигался столь проверенным курсом, что мог бы идти и с завязанными глазами, как парусник в родную гавань. В редких газовых фонарях, скупо освещавших пяточки мостовой, он не нуждался. Как видно, гуляку мало беспокоило, что в этот час, проходя мимо опасных подворотен, он играет в рулетку с судьбой. До квартиры, в которой он снимал угол с семьей, оставалось меньше квартала.

Рябов Иван, а гуляку звали именно так, не спеша плыл в густых парах алкоголя, перед глазами у него мелькали разноцветные огоньки, а земля предательски ходила ходуном. Кое-как поборов нетвердую хлябь, Рябов притормозил, чтобы перевести дух. Оглядевшись, он нашел себя там, где положено. Вон крыльцо уже виднеется, окна темные, родные спать легли, не дождались отца-кормильца. Иван ощутил обиду: за такое неуважение супружницу надо как следует проучить. Чтоб помнила, кто домой трудовой хлеб приносит. Он уже взялся закатать рукава, но плотная ткань тужурки плохо поддалась, только рассердив его. Ничего, и так кулак свое найдет.

Качнувшись, Рябов сделал шаг и замер. Теперь остановка имела вескую причину. Откуда ни возьмись из тьмы перед ним возникло неожиданное препятствие. Помеха была не так чтобы высока, не выше его роста, но показалась столь чудной, если не сказать — странной, что Иван даже маленько протрезвел. И было с чего. Перед ним стояла явно человеческая фигура, ну не столб же, да только не понять, что за особа, какого рода и звания. На плечах не привычная одежда, а какой-то балахон, в темноте не разобрать, на голове и вовсе не пойми что. Иван хоть и был пьян, но припомнил, что видел нечто такое на параде,

когда толкался в праздничной толпе. И что только важному господину — а Рябов сразу решил, что господин не простой, а значит, важный, — делать в такое время у них на Обводном? А если забрел, да еще пройти не дает, так, может, его ножичком проверить? Ножик всегда на положенном месте.

Оценив свои силы, Иван счел, что их недостаточно для серьезного разговора, а потому зло махнул, отгоняя помеху, и пробурчал что-то грозное и невнятное. Фигура не шевельнулась. Это было несомненное оскорбление. Иван уже собрался показать свой кулак, вызывавший уважение всей Нарвской части, и даже выставил руку, но на большее его не хватило. Неожиданный гость медленно, словно во сне, поднял голову, до сих пор немного опущенную, явив лицо.

Отшатнувшись, Рябов потерял равновесие и упал на спину, прямо в грязное месиво. Тут же резво вскочив, попятился и, как мог, стал отмахиваться от кошмара, глядевшего на него. Его обуял такой страх, что конечности отказались слушаться. Хмель как ветром сдуло. Отступая и путаясь в ногах, он часто-часто повторял: «Сгинь! Пропади!» — но странный силуэт и не думал исчезать. Он держал Ивана чем-то необъяснимым, словно накинул на шею невидимую петлю, от которой не было спасения. И еще этот страшный, нечеловеческий взгляд, в котором чудилось нечто такое, в чем бы он сам не смог себе признаться.

— Беги...

Голос был тихий и невнятный, но Рябов услышал его отчетливо, и все тело, весь мозг его пронзило раскаленным ужасом. И он побежал. Не разбирая дроги, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, Иван бежал сломя голову. Он задышался от крика, который рвался из самого нутра его,

будто беззащитный зверек воем, ища спасения, уже зная, что спасения нет.

Кажется, Иван завернул в какой-то проулок, где было изрядно темно. На миг он поверил, что оторвался и вот-вот спасется. Но в следующее мгновение наткнулся на что-то, что целиком вошло в него, глубоко, до упора, как булавка в жука, и встало колом внутри, отняв весь воздух.

Иван жадно хватал воздух ртом, но дышать было нечем. То, что проникло в него, вдруг само собой выскользнуло, оставив холодный след, расплзшийся по телу. Иван ощутил себя бутылкой, из которой вышибли пробку. Тело его стало легким и невесомым. Колени подкосились, и он упал на что-то мягкое. Стало хорошо, тихо и тепло. Лежа на спине, он увидел, как над ним склонилось нечто темное и тут же исчезло.

Потом Иван увидел высоко над собой край неба в редких разводах туч и луну меж ними. Нынче она была необыкновенно хороша. Яркая и блестящая, луна манила и звала Ивана. Она смеялась. Она светила цветом крови. Ему захотелось уйти к ней.

• 2 •

Туман, шедший ото льда, вместе с красными бликами луны отражался в темных окнах здания. Департамент полиции, известный далеко за пределами столицы, возвышался над гранитными берегами реки Фонтанки. Чиновники давно попрятали бумаги в папки, завершив присутственный день, и теперь коротали вечер, где им было угодно, счастливо забыв о службе. Только на третьем этаже светило несколько окон в ряд. За ними располагалась

криминалистическая лаборатория, ставшая надежной опорой полиции в борьбе с преступниками, в которой одни делали все, чтобы уйти безнаказанными, а другие добывали изобличающие факты и доказательства. Если улики попадали сюда, шансы злодеев выйти сухими из воды уверенно сводились к нулю. Сказать по чести — их не было совсем. В игре против полноправного хозяина этого кабинета, знаменитого на всю Европу и мир статского советника Лебедева, шансов и быть не могло.

В науке Лебедев не знал поражений. Что и составило его славу, если не считать успеха — созданного им антропометрического бюро, в которое стекались данные всех преступников России, и нескончаемого списка трудов по криминалистике. Любой чиновник полиции счел бы за честь принять личное приглашение в это святилище знаний. Ведь попасть сюда могли только самые умные головы, что сводило возможное количество гостей к считаным единицам, для которых хватило бы пальцев одной руки.

Прочие даже не пытались напроситься в гости, прекрасно зная репутацию Лебедева. А репутацию Аполлон Григорьевич заработал ужасную. Все знали, что он лично выбросил в реку Мойку глупого пристава, пытавшегося дерзить ему; что он курит чудовищные никарагуанские сигарки, смертельно опасные для любого нормального человеческого существа; что он ловелас и бабник, не может пропустить ни одну юбку, даже если это юбка законной жены высокого чиновника; что он может нахамить начальству и даже министру. Знали и то, что с огромным ростом, тяжелым кулаком, вздорным характером и налетом гениальности ему не найти равных соперников. Что было во всем этом правдой, а что мастерской ложью, никто не пы-

тался разобраться. Репутация, раз созданная, держалась не хуже гранитного постамента. На нем Лебедеву было спокойно и удобно заниматься своим делом, не церемонясь с «безмозглыми идиотами», «полными тупицами», «отъявленными глупцами», то есть с рядовыми сотрудниками Департамента полиции.

По-настоящему Лебедев любил только свою работу и женщин. Если романы с дамами были бурными и краткими, то любовь с наукой, — напротив, долгой и взаимной. Лебедев готов был не вылезать из лаборатории, только б было чем заняться. Когда свежего дела не находилось, он продолжал заниматься исследованиями, систематизируя и экспериментируя с полученными данными. Когда же и эти труды были переделаны, он просто оставался в дорогих и родных стенах, которые любил и в которых ощущал полный душевный покой.

Аполлон Григорьевич посматривал в ночное небо, лицо его было благостным и умиротворенным.

— А все-таки она прекрасна, — наконец проговорил он, постукивая незажженной сигаркой в стекло там, где виднелся мутный блик ночного светила. — Есть в ней что-то древнее, варварское. Когда восходит красная луна, враз слетают культурные наслоения и в душе просыпается нечто дикое. Так и хочется завывать от щемящего восторга.

— Прошу вас, не стесняйтесь. Назавтра газеты выйдут с аршинными заголовками: «В Департаменте полиции объявился оборотень!» Барышни будут в восторге...

Господин, позволивший столь вольное обращение с гением криминалистики, казался моложе его лет на десять и имел чин на два класса ниже. Ростом он был и того мень-

ше, хотя плотная, крепко сбитая фигура, с прочной, как у римской статуи, шеей, не давала повода усомниться в его физических силах. Он умудрился кое-как примоститься на хлипком диванчике, найдя себе уголок среди журналов, вырезок, пустых коробок из-под химикатов и чучела печального лиса. Иного свободного места в лаборатории все равно не нашлось бы. Каждый вершок был заставлен чем-то особо важным в три, а то и четыре слоя — тем, что выбрасывать было нельзя под страхом вечного проклятия. Надо заметить, что дерзкий гость имел правильные черты лица и роскошные кошачьи усы вороненого отлива с непокорным русым вихром. Что частенько приводило женские сердца в волнение.

Показав окровавленной луне спину и присев на скрипящем подоконнике, Лебедев снисходительно улыбнулся и дружески подмигнул:

— Что, Ванзаров, о барышнях только и думаете? Это нехорошо. Чиновник для особых поручений сыскальной полиции, знаменит на весь департамент, начальство холит и лелеет, а он все одно: как жокей про кобылу.

— Не тот предмет, чтобы тратить на него энергию мозга, — ответил Ванзаров, борясь с предметом вроде жестяной банки, что подло, из-под кучи хлама впился острым углом чуть ниже пояса.

— Кстати, чем закончилось ваше сватовство? Когда честным мирком да за свадебку? Шафером пригласите? Что подарить молодым: серебряный поднос или фарфоровых купидонов? Можно уже вас поздравить?

— Поздравить можно, — последовал ответ.

— Неужели? В самом деле? Ну, поздравляю, раз просите...

— Поздравьте с тем, что я сохранил остатки разума и силы воли.

— Так я и знал... — Лебедев взмахнул руками, что могло означать много чего.

— Мне хватило здравого смысла, чтобы в последний миг, буквально стоя на краю пропасти, не сделать отчаянный шаг и не кинуться в пропасть семейного болота, — проговорил Ванзаров, глядя прямо перед собой. — Это самый счастливый день в моей жизни.

— Это заметно, насколько счастливый.

— Наконец я твердо понял, что это не мое: семейная рутина и прочие пеленки не могут быть идеалом... — продолжил он, словно поддерживая спор с самим собой. — Это было последнее испытание, и я справился с ним, как подобает настоящему мужчине. Это большая победа логики и разума над мелким мирком женщин со всеми их финтифлюшками и чепухой. Включая горшки с цветами и модные шторы...

— То есть вам отказали, — закончил Лебедев. — В очередной раз. Указали на дверь. Просили оставить их дочь в покое и забыть дорогу в этот дом навсегда.

Ванзаров рассматривал пол с тем особым спокойствием, которое всегда бывает, когда сказать совершенно нечего.

— В который раз это счастье вам улыбнулось? — не унимался Лебедев.

— Во второй...

— Если не считать тех трех случаев...

— Что их считать, они были в прошлом веке. Новый век — новый отсчет, — сказал Ванзаров.

— В этот раз какова причина?

— Догадайтесь сами...

— М-м... сложновато будет, — сказал Лебедев, поглаживая подбородок. — Пожалуй, применю-ка вашу драгоценную психологию...

— Вам она ни к чему.

— Нет уж! — грозно заявил криминалист. — Придумали погремушку, так дайте хоть другим позабавиться. А не только голову морочить...

— Извольте, — сказал Ванзаров, не имея сил защищать свой метод, который долго и тщательно собирал по крупинкам. Ошибка его была в том, что рассказывать про него, а тем более придумывать ему вызывающее название не стоило. И уж совсем не стоило в дружеской беседе говорить об этом Лебедеву. Аполлон Григорьевич поднял на смех «великое открытие», ничего в нем не поняв, резонно посчитав вызовом и оскорблением всей классической науки. А потому не упускал случая, чтобы не уколоть шуточкой или не растоптать до основания доводы новой «науки». Метод, хоть его не признавал великий криминалист, не перестал быть полезным. Как острым скальпелем, что вскрывает пелену незнания, Ванзаров пользовался им, разумно помалкивая.

— Итак... — Лебедев соорудил маску мудреца. — Титулов у вас нет. Золотых рудников нет. Счета в банке нет. Домика своего или заваливающей дачки тоже нет. Живете в съемной квартире. К тому же служите в полиции — презренный са-трап¹ и палач. И для чего такое счастье любимой дочке? Ну как, справился без вашей лженауки?

---

¹ С а т р а п — человек, представляющий власть и действующий деспотически, не считаясь с интересами других.

Ванзаров не позволял себе проявлений эмоций, давно научившись сдерживать свои порывы. Лишь печальный вздох — все, чем была проявлена непозволительная слабость.

— Другое неотступно тревожит меня, Аполлон Григорьевич, — сказал он, отводя разговор от опасной темы психологики.

— Почему юные красотки выбирают глупых, старых, некрасивых, но богатых мужчин? — заметил Лебедев.

— Нет... Зачем мы нужны?

Аполлону Григорьевичу показалось, что он ослышался.

— Зачем нужны... кто... что? — несколько сбивчиво спросил он.

— Вам известно, что происходит в стране. Студенты убивают министров, казаки разгоняют демонстрантов шашками. Крестьяне бурлят, рабочие бастуют, цена жизни стремительно падает; закон, который и раньше был условностью, превратился в половую тряпку... А сыскная полиция гоняется за мелкими воришками или ловит пьяного, ударившего собутыльника ножом. К чему все это? В чем смысл?

— А что говорит ваша бесценная психологика? — спросил Лебедев.

— Молчит, покрывшись румянцем стыда. В новом мире ей делать нечего.

— Так бывает в начале века, страхи одолевают и прочее...

— Нет, Аполлон Григорьевич, наступивший век готовит малоприятные сюрпризы.

— Тем более без полиции нельзя. Мы — скрепы общества.

— Вы — безусловно, а мне в полиции, наверное, делать нечего, — ответил Ванзаров.

Аполлон Григорьевич не любил разговоры, когда перед ним наизнанку выворачивают душу, ожидая в ответ нечто подобное. При всем своем могучем росте и решительном характере он не знал, как вести себя в подобных щекотливых ситуациях. Тем более когда его друг, которого он считал единственной светлой головой во всей полиции, вдруг заводит подобную шарманку...

— В отставку собрались? — спросил Лебедев недрогнувшим голосом.

— В отставке приставу хорошо чаи гонять в яблоневом саду, накопленном на скромное жалованье, — сказал Ванзаров. — А мне в отставке или со скуки, или с голоду погибать. Или то и другое вместе.

— Тогда чего вы хотите? — незаметно раздражаясь, спросил Лебедев. — Учитесь брать взятки.

— Ну, покажите пример.

— Еще слово в подобном тоне, и закурю вашу любимую сигарку...

— Вы у себя дома. Не жалейте гостей...

— Знаете что, Ванзаров, хоть вы и мой друг... — начал Лебедев на повышенных тонах, но все же сумел себя урезонить, хоть и имел характер не менее бешеный, чем о нем судачили. — А что вас держит в сыске? Давно бы уже сделали карьеру с орденами, чинами и почетом. Там, глядишь, и жена сама собой образуется. Так за что цепляетесь?

Вопрос этот был столь прост и при этом сложен, что отвечать на исключительно трезвую голову не следовало бы. Иначе можно прослыть откровенным занудой. Впрочем, о нем и так шептались по углам департамента, путая

его волчью хватку с обычным занудством. Занудой он никогда не был, даже когда в Петербургском университете пропускал студенческие пирушки, чтобы успеть проштудировать древних классиков, особо налегая на Сократа. Но и отмахнуться от вопроса или отделаться шуткой было нельзя. Лебедев ждал ответа на совесть.

— Привычка к закону, — помедлив, ответил Ванзаров.

Ответ был принят благосклонно.

— Ужасная привычка, — согласился Лебедев.

— Сам мучаюсь.

— Послушайте, друг мой, а что, если нам... — начал Аполлон Григорьевич, но блестящей, как всегда, идее не суждено было явиться на свет. В кабинет робко заглянул дежурный чиновник слегка заспанного вида, что не помешало ему изложить нижайшую просьбу. Оказывается, только что телефонировали из 3-го участка Нарвской части. Просят срочно прибыть дежурного криминалиста. Так не изволите ли...

— Аполлон Григорьевич, что же сразу не сказали, что сегодня дежурите по городу? — сказал Ванзаров, вставая с мучительного диванчика. — Я бы не лез к вам с пустяками.

— Вот еще! Совсем, что ли, со скуки закинуть, — тихо ответил Лебедев и громоподобно осведомился у чиновника, что там за ерунда случилась, что из-за нее беспокоят самого великого дежурного криминалиста.

Чиновник, мучась от желания как можно скорее уйти, смог доложить только невразумительные сведения: найдено тело, полагается непременно осмотр на месте обнаружения. Лебедев потребовал, чтобы ему немедленно сыскали пролетку. Чиновник счел это веской причиной, чтобы исчезнуть.

Сборы Аполлон Григорьевич завершил молниеносно: вынул из лабораторного стола потертый саквояж желтой кожи, который вмещал все, что могло и не могло понадобиться на месте преступления, и всегда содержался в полной выездной готовности.

— Не желаете за компанию? — спросил он без особой надежды. — Скоренько погоняю идиотов из участка, подпишу им протокол, и отправимся прожигать жизнь. У меня в «Данонь» вход открыт всегда и столик держат. Отпразднуем нашу мужскую свободу. Тут и дежурству конец.

Ванзаров согласился без колебаний.

• 3 •

Ресторан «Данонь» держал репутацию не только кулинарными шедеврами. На его кухне колдовали только первоклассные мастера половника и шумовки, в давние годы французские, а теперь — исключительно отечественные. Но одними подливками да консоме публику не удивишь. А «Данонь» умел удивлять. Робкий провинциал, попадая в ресторан, испытывал глубокий шок от увиденного, сравнимый разве только с посещением царской резиденции.

Начать с того, что потолки ресторана уходили куда-то в небеса, персидские ковры с особо мягким ворсом дарили стопам посетителей нежные объятия. Пальмы и шторы были подобраны в стиле «короля-солнца», а роспись на стенах могла поспорить с любым из дворцов капризного монарха, кончившего жизнь на плахе. Гости встречали с таким аристократическим почтением, что дух захватывало. С улицы в ресторан могли попасть только постоянные гости, и их с почетом не меньшим, чем принцев ведут на